

Полина Змеев

Барыня-старьевщица

Наследство
с характером

Полина Змееяд

**Барыня-старьевщица.
Наследство с характером**

«Автор»

2026

Змееяд П.

Барыня-старьевщица. Наследство с характером / П. Змееяд —
«Автор», 2026

2-й том цикла!Едва успела привыкнуть к своему попаданчеству и договориться с мужем на развод, как получила магический припадок и стала наследницей родового дара, о котором даже не подозревала. Супруг теперь категорически отказывается расторгать брак, поместье осталось без управляющего, но кто-то по-прежнему покушается на мою жизнь.#умная попаданка#реставрация антиквариата#связь прошлого и будущего#медленное сближение героевПроды через день!

© Змееяд П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Полина Змееяд

Барыня-старьевщица.

Наследство с характером

Глава 1

Второй том цикла!

Мир сузился до тусклого изумрудного блеска, и в тот момент, когда управляющий уже почти спрятал кольцо, я схватила его за руку и вырвала перстень из его пальцев.

Мне нужно назад – туда, где что-то не закончилось!

– Сашенька! – голос отца – откуда-то я точно знала, что говорит отец – звучал почти умоляюще. – Я верю, что тебе это по силам.

– Нет! Папенька, как вы могли взвалить этот груз на мои плечи, когда у меня целых двое братьев?! – кричала я – и будто не я – ему в ответ.

– Оба они за границей, я не мог лишить их карьеры! – слабо возразил отец.

– А меня? Меня, значит, можете лишить счастья?! Можете обречь на пожизненное безумие?!

– Это вовсе не безумие, милая, сложности пройдут, и ты еще поймешь...

– Не желаю ничего понимать! Папенька, вы же знаете, что я люблю Николая и все, чего хочу – это тихого счастья с ним!

– Ничего не говори мне об этом проходимце! Права была твоя мать, надо было гнать его! – вдруг загремел отец, голос которого прежде затихал вдали. – Одумайся: какое может быть счастье с художником? Только нищенствование! Среди тысяч людей творческих только один добивается успеха, остальным достаются лишь объедки. А я предлагаю тебе солидное приданое, которое обеспечит тебя лучшими женихами в столице!

– С милым рай и в шалаше! – запальчиво ответила я.

Глупо, как же глупо. Но сердце щемило от несбывшихся надежд почти трехлетней давности и собственного отказа.

– Ты ни разу не жила в шалаше и не знаешь, о чем говоришь, – вздохнул отец. – Подумай, доченька, ведь это семейное наследие. Все твои предки принимали его с гордостью.

– И страдали припадками! – отрезала Сашенька. – Я этого не желаю.

Отец попытался надеть мне на палец изумрудный перстень, но я вырвала руку так, что старик пошатнулся и едва не упал. Забрала у него кольцо и швырнула в сторону, украшение закатилось под диван и его свет наконец перестал блестеть перед глазами. Но – поздно, голову уже сковала невыносимая боль.

– Одумайся! Теперь, когда ты держала перстень в руках, уже поздно... – отец Сашеньки вдруг схватился за грудь и глубоко вдохнул.

Я бросилась к нему, обняла и разразилась слезами.

– Я не вынесу такой жизни, прости, батюшка, – всхлипнула она – я? – Пока не надену перстень, у меня еще есть шанс.

Отец закашлялся, тяжело опустился на тот самый диван. Попытался нагнуться, чтобы достать кольцо, но я его остановила.

– Не надо, не утруждайтесь. Слуги поднимут, – причитала Сашенька, хлопоча вокруг отца и обмахивая его платком. – Да и не нужен он нам больше. Пусть там и остается, в пыли, где такому дару и место!

Я почувствовала, что сдавлена кольцом чьих-то рук, несколько раз моргнула. По глазам резанул бледный свет, я вцепилась взглядом в лицо управляющего.

Еще не все... Еще рано закрывать глаза! Я должна оставаться в сознании.

Я сжала кольцо в кулаке так, что камень врезался в ладонь, и боль на несколько секунд отрезвила. Я вспомнила, что после того случая отец Сашеньки поднялся с постели лишь один раз – чтобы дойти до церкви в день ее свадьбы.

– Заберите перстень из-под дивана! – вновь раздался будто позади меня голос Сашеньки.
– И выбросьте в реку.

Управляющий, крихтя, опустился на колени, пошарил рукой под мебелью и вытащил из пыли кольцо. Стоило его увидеть, как виски вновь заломило от боли, и Сашенька закричала, повалившись на пол.

А я снова оказалась в будуаре, и кто-то по прежнему обнимал меня со спины.

– Наденьте кольцо, – приказал Игорь так резко, что я повиновалась, не подумав. – На большой палец, – добавил он, когда я поднесла массивный золотой обруч к среднему.

Оно казалось слишком крупным, но как только металл коснулся кожи, перстень сел плотно, будто сделали специально для меня. Голова взорвалась новой вспышкой боли, тело обмякло и я приготовилась к падению, но Игорь подхватил меня на руки.

Я вцепилась в его одежду, хотела сказать, чтобы поставил на место, но перед глазами заплескал калейдоскоп смешанных воспоминаний.

Пышные юбки и громкая музыка, блеск росы на весенней траве под робкими лучами рассветного солнца, смех матушки, сабля генерала, указующая солдатам “В атаку!”, статуя фемиды в огромном ящике, забитом доверху сеном, чтобы не сломалась при перевозке.

Образы терзали разум, казалось, целую вечность. Я все ждала, что они сложатся в единую, стройную картину, но этого так и не произошло. В конце концов я обнаружила себя вновь в постели, сжимающей перстень на большом пальце левой руки.

Вскоре различила над головой лицо врача. Вернее, сначала блеск его пенсне, потом обвисшие щеки, и только потом – цепкий, внимательный взгляд, который пронизывал не хуже скальпеля.

– ... отложенное пробуждение родового дара, и у этого могут быть серьезные последствия, Игорь Павлович, – быстро говорил доктор, не отрывая от меня взгляда ни на миг. – Кто бы мог подумать, что покойный Цветковский захочет передать перстень именно дочери. Все давно полагали, что один из его сыновей увез фамильную магию за границу!

Врач наконец отвел взгляд и стало даже легче дышать. Он повернулся к Игорю и покачал головой.

– Я не могу поручиться, что рассудок Александры Константиновны выдержит это испытание. Дары, связанные со временем, бывают очень коварны. И я впервые столкнулся со случаем такого неправильного способа его принять, – продолжил он, теперь вцепившись взглядом в Игоря.

– Мое решение неизменно. Моя жена останется здесь, – холодно ответил Игорь, вероятно, произнося это уже не в первый раз.

Его слова показались мне идиотскими, и я улыбнулась.

– Игорь Павлович, вам совершенно незначит... – хрипло начала я.

– Молчите, – перебил Игорь, даже на меня не взглянув. – Вам нужен покой и отдых.

Я поджала губы и отвернулась.

Вот же скотина!

– Что ж, если так, то Александре Константиновне в самом деле требуется покой, сытное питание, прогулки на свежем воздухе и крепкий, полноценный сон, – последнюю фразу доктор произнес с особенным нажимом.

– Разумеется, – процедил Игорь, и выглядел он при этом крайне оскорбленным. – Благодарю вас за визит. Пройдемте в мой кабинет, я выпишу чек.

И мужчины наконец ушли. В спальне осталась только Фекла, которая принялась обтирать мне лицо и шею влажным полотенцем. Только сейчас я поняла, что волосы налипли на шею от пота, и что мне ужасно душно.

– Открой окно, – попросила я и горничная тут же бросилась исполнять приказ.

– Где Владимир Анатольевич? – спросила я, когда она вновь взялась вытирать мне лицо.

Прохлада от влажной ткани действительно помогала поставить мысли на место, и хотя я совершенно ничего не понимала, но как минимум чувствовала, что головная боль постепенно стихает.

– Барин велел мужикам его крутить. Теперь этого гада в кладовой заперли, – проворчала Фекла.

Я опасливо покосилась на перстень, ожидая новой вспышки боли, но совсем ничего не почувствовала. Глубоко вдохнула.

Итак, если подытожить: доктор говорил о принятии родового дара, связанного со временем. Дара видеть прошлое, надо полагать. Но я уже его видела через предметы. Почему? Может из-за того, что Сашенька, если верить моим воспоминаниям, уже прикасалась к кольцу раньше.

Выходит оттого, что она не приняла подарок отца, ее разум начало поглощать безумие. Или ее припадки случались, потому что управляющий показывал ей перстень в правильные моменты? Теперь я вспомнила все, что случилось в кабинете: и то, как хотела красиво показать воровство управляющего, и то, как он на секунду вытянул перстень из рукава.

Сашенька конечно хороша: могла бы и сама выбросить кольцо в воду, чтобы наверняка. Или она знала, как будет действовать на нее изумруд? Или просто не хотела на него смотреть?

В любом случае это же так глупо! Или она не знала, как будет действовать на нее это кольцо? Да даже если не знала, разве можно так запросто расстаться с драгоценностью, которую носил твой родной отец?

Я прислушалась к собственным чувствам и поняла, что Сашенька была на него очень обижена. В целом, старик тоже не безгрешен, веселую шутку отмочил: “не хочу портить сыновьям карьеру”. А портить жизнь дочери можно?

Все хороши...

Игорь – в том числе. Он сказал: “знаю, на что шел”. Значит знал, что Сашенька отказалась от дара и что может впасть в безумие. Но зачем тогда женился? Неужели только из-за обещания, которое дал моему отцу? Но что его заставило дать такое обещание? Уж точно не природный альтруизм, Игорь на бескорыстного благодетеля вообще не тянет.

Новые ответы тянули за собой новые вопросы и головную боль – на этот раз вполне нормальную, точно не магическую.

Стоило вспомнить про мужа, как он появился на пороге спальни.

– Принеси барыне чаю и обед, – бросил он Фекле и та понятиливо скрылась в коридоре.

Игорь в знакомой мне уже манере сел на край кровати, игнорируя стул рядом с ней.

– Вы сказали мне, что выбросили кольцо в реку, – с укоризной произнес он.

– Я полагала, что так и есть, – а что еще мне оставалось ответить? – Вы знали, что я отказалась принять магию отца?

– Знал, – не стал скрывать Игорь.

– Тогда зачем женились?

Муж промолчал и отвел взгляд, но я успела заметить, что на его лице заходили желваки.

Уж не шантажировал ли его кто-нибудь, чтобы заставить взять меня в жены и оберегать? Мало ли какие тайны может скрывать прошлое дипломата.

Игорь коснулся пальцами моего перстня, и только теперь я заметила, что большой палец его левой руки тоже украшает кольцо. Тоже массивное, явно старинное, с рубином. Раньше

я не обращала на него внимания – перстень на руке аристократа казался чем-то вполне естественным.

Интересно, какой у него магический дар? Могу ли я спросить, или жена уже должна знать ответ? Имею ли я право в будущем списывать все свои чудачества и “провалы в памяти” на сумасшествие? Что-то сомневаюсь. Лучше не буду пока наглеть.

– Я хочу поговорить с Владимиром Анатольевичем.

– Непременно, – кивнул Игорь. – Завтра. Сегодня – отдохните. Хотя бы один день.

Предложение прозвучало разумно, так что я кивнула и Игорь поднялся.

– И еще: я надеюсь, вы понимаете, что теперь ни о каком разводе не может быть и речи, – не спросил – констатировал он и ушел прежде, чем я оправилась от шока и успела уточнить, почему.

Глава 2

От бессилия я ударила кулаком по мягкой перине, звук получился глухим и совсем не угрожающим.

Это еще почему “не может быть и речи”? Впрочем, догадываюсь: отец в воспоминаниях говорил, что дар обеспечит Сашеньку женихами в столице. Значит, девушка с даром очень ценна. И Игорь наверняка просто не хочет выпускать из рук такой подарок судьбы: была сходящая с ума девица, но неожиданно стала преемницей родовой магии. Логично, что теперь он против развода.

Эх...

Я повернулась на бок и прижала к груди тяжелое одеяло. Вспомнила, как Игорь и Настей шли по парку, и злорадно улыбнулась.

Рано он выводы сделал, ох рано. Еще пара-тайных прогулок, и муженек впереди повозки побежит в церковь, подтверждать согласие на развод. Судя по тому, как быстро моя гостья взяла Игоря в оборот, она не подведет.

И нет, мне от этого вовсе не грустно.

Когда Фекла вернулась с едой, я и впрямь почувствовала, что голодна.

– Ты ничего не видела прошлой ночью и раньше, когда я платье испортила? – спросила я ее, уминая пирог с капустой.

Даже жаль, что Настенька не останется моей экономкой надолго: готовит она и правда выше всяких похвал.

Фекла сжалась и покачала головой.

– Вы ведь сами велели мне в вашей спальне не сидеть. Сказали, что от этого спите плохо. Вот я и ночевала в людской, – запинаясь, пробормотала она.

– И никто из работников ничего не видел? – продолжила расспрашивать я.

– Не знаю. Если и видели, мне ничего не сказывали.

Я задумалась. Двери на ночь вообще-то запирала, но теперь, когда история с кольцом прояснилась, появились сомнения в том, что платье и обои испортила я.

С другой стороны, кому еще, если по утрам Фекла дожидалась, когда я отопру ей дверь? Но что-то тут все-таки нечисто: если есть магия, которая позволяет в прошлое подглядывать, то почему бы не быть такой, которая двери отпирает? Или здесь это не так работает? Но тогда как?

Я мысленно перебрала список папенькиных книг, но ни одного учебника по магии среди них не значилось. Только красивое старинное издание местного священного текста, который назывался “Супруги Небо и Земля”. Может, его почитать? Вдруг там содержатся хоть какие-то намеки на то, как работает местная магическая система? Если у всего, что здесь происходит с магией, вообще есть хоть какая-то система.

Пока я думала, тарелка с кашей незаметно опустела, да и пирогов на поубавилось. Когда я наелась, Фекла забрала посуду и я крикнула ей, чтобы принесла мне нитки и иголку, когда вернется с кухни.

Уставшей я себя не чувствовала. Скорее взвинченной. Белые ленты, оставшиеся в шкафу после недавней починки обоев, не пострадали во время моего полуночного сумасшествия. Я решила занять себя хоть каким-нибудь делом, раз информации для размышлений все еще оставалось преступно мало.

Но прежде чем читать местное священное писание, хотелось уложить в голове все, что произошло.

В прошлый раз на обоях была только одна длинная царапина, теперь же их стало несколько. Прикинув, как будет выглядеть цветочный узор, я даже улыбнулась: теперь после

починки не останется той странной асимметрии, которая смущала меня в прошлый раз, вся стена над изголовьем кровати будет вышита, когда я закончу.

Занеся иглу с шелковой нитью над тканью, я слегка помедлила. Есть ли в этом смысл? Вдруг я завтра же ночью снова начну лунатить и опять все испорчу?

Немного подумав, я решила, что это не повод жить в окружении рванья, и принялась за работу. Она и отняла остаток дня. Дело шло куда бодрее, чем в прошлый раз – видимо, я наловчилась делать аккуратные стежки и лепестки с помощью широких лент. Фекла суежилась вокруг, то взбивая подушки, то вытирая пыль с мебели. В другое время компания бы меня раздражала, но сейчас не хотелось оставаться в одиночестве.

Вечером в дверь поскреблись Никита и Федор. Фекла хотела прогнать их, но я остановила. Никита старательно скрывал улыбку облегчения, Федор оставался серьезен.

– Мы только спросить хотели, на счет картин, – взял слово он. – Нам и дальше с них пыль убирать, или повременить пока?

– Продолжайте работать, – кивнула я. – Завтра зайду в мастерскую, проверю.

Когда оба уже развернулись, я запоздало вспомнила про управляющего.

– Что с Владимиром Анатольевичем? Он все еще заперт? – уточнила я.

– Да, барыня. Пушай сидит, ирод, – ретиво отозвался Никита.

– На кухню передайте, чтобы его хоть покормили чем-нибудь, – бросила напоследок я, не желая проверять, выполнят ли они это распоряжение, или решат, что много чести хитрому старику.

Наутро я пришла в столовую последней. Игорь осмотрел меня испытующе, задержался взглядом на перстне с изумрудом и, не обнаружив никаких признаков безумия, немного расслабился. Коленька выдохнул с откровенным облегчением. Настасья вышла из кухни и, заметив меня, бросилась обнимать.

– Как я рада, Александра Константиновна! – причитала на, осматривая меня, будто собственную дочь. – Я знала, я всем говорила, что вы не можете, просто не можете быть...

– Все в порядке, – прервала я ее сбивчивую речь. – Все хорошо, что хорошо кончается.

Правда, ничего еще не закончилось, и с управляющим предстояло серьезно поговорить. Но уж точно не на голодный желудок. Он просидел взаперти ночь, подождет и еще часик.

– Уж теперь-то вы оставите картины и другое старье? – с надеждой спросил Коленька, как только Аглая разлила чай.

Я с тоской поглядела на чашку, которую она передо мной поставила. Ужасно не хватало кофе, но в доме его, кажется, вовсе не было. Мельком оглядев собравшихся, заметила, что и Игорь пьет без особой охоты. Может, тоже больше кофе любит?

– Почему же я должна оставить работу? – искренне удивилась я.

– Но как же? – не понял моего вопроса Коленька. – Прежде-то вас, выходит, тянуло к прошлому, потому что дар был не до конца раскрыт. А теперь, когда все прояснилось, то и тяга должна пропасть.

Я чуть не подавилась крендельком с маком. Логика местных мужчин не переставала меня поражать.

– Быть может, это вас разочарует, но мой интерес к старинным вещам – явление вовсе не магическое, – чуть резче, чем возможно стоило, ответила я. – Неужели вы думаете, что я просто возьму и брошу гнить наследство, которое мне оставил отец?

– Главное наследство вы наконец получили, – не сдавался Николай, кивнув на кольцо. – Остальное – так, придаток.

И далось ему мое занятие реставрацией? Чего прицепился?

– Может, вещи не так ценны, как дар, но это не повод ими пренебрегать, – отрезала я, не желая никому ничего доказывать.

И в прошлой то жизни этим не занималась, а здесь, где я хозяйка этих вещей, и подавно не стану!

– Если вам понадобятся какие-нибудь материалы, скажите мне, а лучше составьте список, – вмешался Игорь, не позволяя Коленьке, который уже набрал в грудь воздуха, высказать следующий аргумент. – Завтра я пошлю кого-нибудь в город с почтой и за кое-какими покупками.

Покупками? Разве таким не женщины должны заниматься? Хотя не важно: раз предлагает, надо пользоваться. Вот только знала бы я еще, что мне понадобится.

Клей для порванных картин – точно. Хорошо бы еще несколько кистей разной формы и плотности ворса, краски для восполнения утрат. Да и вообще заглянуть бы в местную лавку, где торгуют принадлежностями для художников, если таковая вообще существует, и посмотреть, что там есть из защитных лаков и красок. Так, навскидку, я не могу точно сказать, что именно мне оттуда понадобится.

– Может быть, нам съездить в город самим? – осенило меня.

Игорь явно удивился, но сразу спорить не стал. Я сочла это добрым знаком.

– Я бы с удовольствием заглянула к торговцу красками и к портному, да и просто давно не бывала хоть где-нибудь дальше двора, – добавила я, стараясь укрепить мужа в мысли, что идея и правда стоящая.

– Пожалуй, портной вам действительно нужен, дорогая, – согласился он, но от его едкого “дорогая” скулы сводило, как от лимона.

– Кроме того, и в хозяйстве кое что заканчивается. Я составлю список, – несмело добавила Настасья.

Я улыбнулась ей с умилением. Какая же все-таки замечательная девушка: я тут про наряды и картины, а она о хлебе насущном заботится. Чем не идеальная жена?

– Составь, и если хочешь, можешь поехать с нами, – ободряюще кивнула ей я и мельком взглянула на Игоря.

Он не выглядел воодушевленным этой идеей, но и против явно не была. А вот сама Настасья слегка растерялась, но все же немного помолчав, согласилась.

– Я бы тоже не отказался навеститься в лавку. Может, сумею продать кое что из своих картин и перестану наконец обременять вас, – почти извиняющимся тоном добавил Коленька.

Все взгляды скрестились на Игоре, но его это ничуть не смутило. Наверное, он привык ко всеобщему вниманию – все-таки не последний человек, дипломат.

– Ничего не имею против, – кивнул он, и я с облегчением выдохнула.

Заодно надо будет навеститься в лавку местного старьевщика. Может, там найдется что-нибудь такое, что я смогу купить, отреставрировать и потом продать подороже? Не самое подходящее занятие для барыни, но почему нет? Если мне все же удастся как-нибудь вывернуться из брака с Игорем, деньги понадобятся.

А пока что я не чувствовала никаких угрызений совести по поводу того, что за мой новый гардероб и припасы будет платить муж. Раз уж он сам убежден, что развода мне не видать, так пусть хоть раскошеляется в качестве моральной компенсации.

Завтрак закончился на мирной ноте: мы обсуждали, куда надо будет заглянуть в Рысевске, и задержались за столом куда дольше часа. Но когда наконец поднялись, я едва не приплясывала от нетерпения. Игорь кликнул со двора двух крепких мужиков, и мы вчетвером направились к той кладовке, в которой вчера заперли управляющего.

Глава 3

Управляющий сидел между сундуками с тканью и восковыми свечами, понутив голову. Когда дверь открылась, впуская в кладовку тусклый свет, он вскочил и оцетинился, как старая бездомная собака.

Первыми в комнату зашли мужики. Они скрутили Владимира Анатольевича, чтобы он не мог ни вырваться, ни попытаться сбежать. После этого через высокий порог шагнул Игорь и поставил на ближайший сундук свечу. Только затем он протянул мне руку, приглашая следом.

Я даже не знала, злиться на него или благодарить, что заботится о моей безопасности. Решила остановиться на втором варианте: он мог вообще запретить мне видеться с управляющим, но не стал – и на том спасибо.

Я огляделась, но ни пустых тарелок, ни хотя бы кувшина с водой не заметила. Либо посуду унесли, либо ни Никита, ни Федор не сочли нужным передавать на кухню мое расстройство. И я еще подумаю, стоит ли выговаривать им за это.

– Порченная девка! Думаешь, кольцо надела так все теперь, хозяйка?! – выплюнул старик, как только разглядел в полумраке мое лицо.

Игорь кивнул одному из мужиков и тот от души съездил старику по лицу. Я поджала губы, чтобы не вскрикнуть, но дрогнула всем телом. Муж, который вцепился в мое запястье и отпускать видимо не планировал, должен был это заметить, но ничего не сказал.

– Не унижайтесь, Владимир Анатольевич. Если мне не изменяет память, вы тоже дворянин, пусть из обнищавшего рода. Хотя бы ради ваших славных предков найдите в себе остатки достоинства и объяснитесь, – холодно потребовал он.

Управляющий поднял худое лицо, которое в тусклом свете свечи казалось почти злое, и растянул губы в издевательской улыбке, удвоившей число морщина на старческом лице.

– Извинений вы от меня точно не дождетесь. Эта дура, – он кивнул на меня, – велела магический перстень своего батюшки в реку выбросить. Разве я мог совершить такое святотатство? Кто-то о даре богов отца вымаливает, а она отбросила его, словно мусор. Что с того, что я этим немного воспользовался? Все для вашего же блага, Игорь Павлович: под таким присмотром она хоть не сбежала, кроме меня вам за это благодарить некого. Кабы не эти магические припадочки, искали бы вы ее по заграничным баракам с художником ее.

Я напряженно слушала управляющего, пытаюсь понять, сколько в его словах правды и сколько лжи.

– И не смотрите на меня так, Александра Константиновна. Сами знаете, что я не лгу: я видел, как мой племянник-прохиндей к вам приехал. Через месяц после отъезда барина явился. Кабы я вам колечко не показал из окна, и вы в припадок бы не бросились, так и сбежали бы с ним без оглядки. И где бы вы были сейчас? Он-то за два года все еще не разбогател, а с вами на шее так и вовсе бы милостыню просили, – продолжил он, с каждым словом все сильнее ожесточаясь.

Я попыталась хоть что-нибудь вспомнить, чтобы подтвердить или опровергнуть его слова, но воспоминания самой Сашеньки мне по-прежнему оставались недоступны.

– И что же ваш племянник сделал, когда увидел мой припадок? – спросила я.

– Да что этот трус мог сделать? Испугался да сбежал. Видите, Игорь Павлович, супруга ваша даже не отпирается. Уж поди и не ваша она совсем...

На этот раз мужик и без подсказки Игоря ударил управляющего снова.

Я нервно выдохнула. Можно ли верить его словам? В целом выглядят они правдоподобно: Николай достаточно глуп, чтобы предложить Сашеньке побег, Сашенька была достаточно глупа, чтобы согласиться. Но этот сварливый мужик уже наврал столько, что никакой

веры его словам быть не может. А ведь Игорь наверняка позже спросит у меня, правда это все или нет. И что мне ему ответить?

Как же жаль, что я ничего не помню!

– Я сделаю вид, что поверила, будто вы мне блага желали, – скривила губы в ответной улыбке я, когда управляющий отдышался и выпрямился после удара. – Но как вы тогда объясните свою аферу с мебелью и со слишком дешевой продажей наследства моего папеньки? Сдается мне, и его вы собирались перепродать подороже.

– Докажите еще! – не сдавался старик.

– Если вам не хватило ума сжечь свою черную тетрадь, то докажу непременно, – мстительно улыбнулась я.

Владимир Анатольевич побледнел, и все стало ясно без его ответа: видимо, за два года он слишком привык полагаться на перстень и решил, что замечать следы не обязательно.

– Вы об этом хотели сказать нам с Николаем в прошлый раз? – мельком глянув на меня, уточнил Игорь.

– Да. Но после припадка я забыла те несколько часов, которые провела в кабинете. Вспомнила лишь после того, как надела кольцо.

Игорь кивнул, показывая, что принял мои слова к сведению.

– В любом случае вы должны были доложить мне о кольце. И если по вашему мнению жалование было слишком низким, просить его повышения. Но вы выбрали опуститься до воровства, еще и такого банального, – продолжил он, глядя на управляющего так, будто хотел раздавить его, как жучка.

– Уж простите, барин, но вы бы столько не заплатили, сколько то старье стоит. Покойный Цветковский на него все состояние спустил, – криво улыбнулся старик.

– Что ж, вот вы и признались в этой афере в присутствии четырех свидетелей. С этим будет разбираться суд, – холодно улыбнулся Игорь и я малодушно порадовалась, что на этот раз яд в его голосе капает не на меня.

– Допустим, с деньгами и антиквариатом понятно, – вмешалась я. – Но зачем вам понадобилось резать мои вещи и обои? Если бы меня лишили дееспособности, владельцем моего имущества стал бы Игорь Павлович и вы уже не смогли бы ничего продать.

Владимир Анатольевич снова вскинулся, в полумраке сверкнули его злые глаза.

– Вы уж на меня не клевете. Может, я кое в чем и виноват, но в этом – точно нет. Вы и сами видите, что не было у меня причин со свету вас сживать: без наследства вашего батюшки и сам я, и сестра моя больная по миру бы пошли за эти два года.

И то верно. Получается, покушение – дело не его рук. А платья я может и вовсе сама порезала, кто знает? И сестра у него все-таки есть, о ней он вроде бы не врет. Даже зубы сцепил, когда о ней вспомнил.

– Мне себя-то не жалко, – процедил он, немного помолчав. – Можете меня под суд отдавать, но кроме меня ей помочь некому. Неходячая она, да и оба мы старики уже давно.

Я сжала кулак, не позволяя себе проникаться сочувствием. Он пользовался положением бедной девочки, муж которой укатил неизвестно куда, и теперь просто прикрывается сестрой. Уверена, она на эти деньги не катается как сыр в масле. Хорошо, если ей вообще что-нибудь с этих грязных доходов перепало.

– Отчего же вы не попросили приютить вашу сестру? – уточнила я.

– А разве я не просил? Сами же, барыня, сказали, что калека на дом беду накличет, – огрызнулся управляющий. – Сердца у тебя нет, курица патлатая. Отца так обидела, что он слег, а на чужие беды тебе и вовсе плевать!

Мужик запахнулся, чтобы ударить управляющего в третий раз.

– Стой! – скомандовала я. – Ему уже достаточно. Если он до суда не доживет, с нас спросят.

Мужик перевел взгляд на Игоря, будто хозяин тут он, но муж мои слова поддержал и огромный кулак слуги разжался.

– Где сейчас сестра твоя живет? – спросила я напоследок, потому что все остальное мне уже стало предельно ясно.

Управляющий не сменил злого взгляда, несколько секунд мы боролись и он наконец сдался.

– В Рысевске, две комнаты снимает, – он назвал адрес и я несколько раз мысленно его повторила, чтобы запомнить.

К женщине надо навеститься, мы же все равно в город едем. Если все и впрямь так плохо, как говорит Владимир Анатольевич, попробую что-нибудь придумать. Я конечно не в том положении, чтобы помогать всем несчастным в округе, но и не бросать же больную женщину на голодную смерть? Надо хотя бы поговорить с ней и посмотреть, как она живет.

Из кладовки я вышла с гудящей головой. Какая тут магия: разобраться бы с тем, что происходит в доме! Да еще и имение теперь без управляющего осталось, и где мне нового брать?

– В Рысевске первым делом поедem в управу, – заговорил Игорь, запирая дверь в кладовку на ключ. – Потом к сестре Владимира Анатольевича: я же верно понимаю, что вы собираетесь ее навестить?

Я кивнула.

– За один день мы точно не управимся, ночевать будем в моем городском доме. Сегодня отправлю туда кого-нибудь из мальчишек, чтобы для нас все подготовили, – спокойно говорил он.

Может, так казалось только со стороны, но его все произошедшее будто совсем не выбило из колеи: Игорь оставался собранным, деловым, уже построил внятный план, и его спокойствие постепенно передалось мне. Я так заслушалась, что и не заметила, как мы оказались в кабинете, примыкающем к малой гостиной и спальне Игоря. Наедине.

Когда осознала, что за разговор мне сейчас предстоит, затравленно оглянулась на дверь, но решила, что банально убежать – это уж совсем позорно.

Игорь указал мне на кресло галантным, но не терпящим возражения жестом. Пришлось сесть, да и чего стоять? В ногах, как говорится, правды нет.

Сам он сел напротив и поймал мой взгляд. Только теперь я рассмотрела, что глаза у него не просто светло-карие, а с зелеными прожилками, и даже залюбовалась на секунду.

– То, что сказал Владимир Анатольевич о вас с Николаем – правда? – спросил он.

Глава 4

Я не привыкла к такой прямоте в разговорах с ним и потому даже слегка растерялась.

А потом растерялась еще сильнее, осознав, что мне нечего ему ответить. Единственная правда, которую я могу сказать...

– Не помню. Не могу утверждать, что он лжет, но и подтвердить его слова – тоже. Я бы и сама хотела знать наверняка, даже если это правда, – произнося последние слова, я не удержалась и скривилась.

– Не лгите, – холодно потребовал муж. – После того, как вы надели перстень, воспоминания должны были вернуться.

Мои воспоминания и вернулись, вот только Сашенькины – нет! Я невольно сжала кулак и уставилась на Игоря в ответ. Видела, что он мне не верит, и от этого почему-то стало горько.

– Мне нечего больше вам сказать.

– Не хотите – не признавайтесь, – с досадой процедил муж.

Его слова могли бы меня успокоить, но зная его привычку делать выводы не только из слов, но и из молчания собеседника, я сразу поняла, что он для себя уже все решил. И это ужасно раздражало.

– Раз уж вы мне не доверяете, может все же подумаете на счет развода? – вернулась к старым баранам я.

Вдруг сработает? Хотя, судя по тяжелому взгляду Игоря, шансы невелики.

– Нет, – последовал ожидаемый ответ.

– Почему? Вы ведь убеждены, что я изменила вам, и что пыталась сбежать с другим мужчиной. Будете терпеть это до конца жизни? Смотреть на меня и знать, что ваша жена принадлежала другому? – от злости меня несло и я знала, что говорю жестокие вещи, но ведь я всего лишь повторяю то, что у него на уме, разве нет?

– Придется. Видимо, боги сочли это наказание для меня подходящим, – с нажимом ответил муж, не отводя от меня темнеющего взгляда.

Мне впервые стало по-настоящему неуютно рядом с ним. Казалось, даже воздух в комнате начал потрескивать от напряжения.

– За что вы себя так наказываете? – растерявшись, выпалила я.

– Николай не сможет ни защитить вас, ни дать вам в полной мере раскрыть дар. К тому же теперь, когда вы приняли наследство окончательно, ваш рассудок уже никогда не станет прежним, – продолжил Игорь, проигнорировав мой вопрос.

– Милостивые боги, да причем здесь Николай? Я хочу только свободы от вас, а не брака с ним! – разозлившись, выпалила я.

Ох уж эти местные дремучие нравы: воспринимать женщину отдельно от мужчины здесь, кажется, просто не могут.

– Вот как? – Игорь вздернул брови, но взгляд его остался все таким же темным. – Дайте мне руку, – вдруг потребовал он и протянул свою ладонь.

– Это еще зачем? – я покосилась на его длинные пальцы и сдержала желание по-детски спрятать руки за спину.

– Прошу вас, – выдохнул Игорь, и напряжение в воздухе слегка ослабло.

Может, так проявляется его магия? Но если да, то в чем она вообще заключается?

Наверное, ничего страшного не случится, если я выполню его просьбу? Хотел бы – сам бы схватил меня за руку, но в отличие от того же Коленки, Игорь никогда так не делал.

Я все же коснулась пальцами его ладони. Игорь тут же сжал руку в ответ и поймал мой взгляд, будто гипнотизируя, не позволяя ни отстраниться, ни отвести глаза. Я казалась себе кроликом, замершим перед огромной ядовитой гадюкой.

– В самом деле не хотите замуж за того, кому отдали свою невинность? – вкрадчиво спросил Игорь, поглаживая мою ладонь большим пальцем.

“Отдали невинность” – какая же отвратительная формулировка! При мысли о том, чтобы терпеть прикосновения и пошлые комплименты Николая, мне стало мерзко.

Игорь ждал ответа, по-прежнему не отпуская мою руку и не позволяя отвести взгляд. Ощувив, как к щекам подступает предательский жар, я попыталась высвободиться, но двинуться не удалось. Только мысли продолжали бешено носиться в голове.

“Никому я ничего не отдавала, я – своя собственная, а не чья-то!” – единственная, за которую удалось ухватиться, и я даже не заметила, как эти слова соскользнули с губ.

Игорь тут же разжал пальцы и я отпрянула.

– Так и знал, – с самодовольной улыбкой констатировал он.

Я поняла, что часто дышу и прижимаю к груди руку, которую только что держал Игорь. Мысли снова потекли с привычной скоростью. Появилось ощущение, что ненадолго их реку кто-то прикрыл, будто шлюзом или плотиной, а потом вновь вернул им свободу.

Он что, и правда загипнотизировал меня? Какой ужас. Но главное – теперь он знает, что Сашенька... то есть я ему не изменяла. Кошмар, теперь мне развода точно не видать!

– Что вы сделали? – спросила я, теперь уже не отрывая от Игоря взгляда по собственной воле.

Он лишь неискренне извинился улыбкой, но этот жест сказал куда больше слов: он точно применил свой дар.

– Как вы посмели? – я чувствовала, что голос звенит в преддверии истерики, и заставила себя выдохнуть.

– Я всего лишь помог вам произнести правду, не драматизируйте, – обтекаемо ответил муж.

– А поконкретнее? – решила обнаглеть я, но по тому, как хищно сверкнули глаза мужа, поняла, что зря распустила язык.

– Неужели вы не помните и того, каким даром обладаю я? – Игорь чуть подался вперед, рассматривая меня, будто натуралист – редкий экземпляр бабочки. – Вы собираетесь и это списать на свою слишком уж удобную амнезию?

Он потянулся к моей руке вновь, но я вскочила с кресла и отступила на пару шагов. В чем бы не заключались его способности, я вовсе не горела желанием испытать их на себе вновь.

Игорь поднялся вслед за мной. Испугавшись, что он все-таки схватит меня, я отступила еще на шаг, но муж остался на месте. С его лица по-прежнему не сходила самодовольная улыбка, и хотелось стереть ее хорошим ударом кулака. Но вместо этого я отступила снова.

– Можете идти, если хотите. Продолжим разговор позже, – милостиво разрешил супруг, заметив, что я не в настроении откровенничать и дальше.

В другое время я бы возмутилась его снисходительному тону, но в этот раз предпочла воспользоваться предложением, буквально выбежала за дверь и торопливо направилась в свою спальню. Оказавшись в будуаре, вытолкнула из комнаты Феклу и торопливо заперлась. Только после этого рухнула в кресло и смогла нормально выдохнуть.

Ощутила, как подрагивают пальцы, и сжала кулаки, пытаясь сосредоточиться.

Игорь не отрицал, что применил ко мне дар. Вот только в чем именно он заключается? Заставляет говорить правду? Гипнотизирует? Вынуждает делать то, что нужно ему? Что-то внушает?

Преодолевая страх, я попыталась во всех подробностях вспомнить, что именно произошло в его кабинете.

Нет, точно не внушение: я высказала ему свою мысль, не чужую. Но не смогла солгать. Наверняка заставлять людей говорить правду – не единственная его способность, но одного этого уже достаточно, чтобы по коже побежали холодные мурашки.

Ему бы с такими талантами преступления расследовать, а не дипломатом быть. Впрочем, если он может заставить собеседника выдать какую-то секретную политическую информацию или подписать не слишком выгодный договор путем такого гипноза, то и на переговорах наверное очень полезен. С другой стороны, если он может заставить людей говорить правду, то почему не применил эту способность на управляющем? Или он и применил, и оттого старик был так прямолинеен? Обязательно ли Игорю касаться человека, на которого он хочет воздействовать? Куча вопросов и ни одного ответа!

Но главное – он точно заподозрил что-то неладное. Причем скорее всего уже давно, просто раньше не задавал вопросы прямо. А когда начнет задавать – что мне отвечать про свою амнезию?

Пытаясь придумать хоть что-нибудь внятное, я прошла в спальню и привычно потянулась к игле и лентам. Руки сами скользили по остаткам царапин на ткани над кроватью, накладывая стежок за стежком, пока голова оставалась занята суетливыми, липкими как холодный пот мыслями.

Может, просто рассказать ему, что я – попаданка? Хотя поверит ли? Да, в этом мире есть магия, но ее возможности наверняка не безграничны. Считается ли здесь возможным переселение душ? Что, если нет? А вдруг меня сочтут одержимой и сожгут на костре? Или еще что похуже... Нет, так сразу рисковать нельзя. Сначала надо выяснить, какими могут быть последствия такого признания.

Но где брать эту информацию? И что делать до тех пор, пока я не приму решение? Интересно, если я потребую от Игоря пообещать, что он не будет больше применять ко мне свой странный дар, он согласится? Вряд ли, но попробовать стоит.

Если бы хотел – давно бы все вызнал, но он играет со мной, как сытый кот с испуганной мышью. А раз так, попробую воспользоваться его промедлением.

Аккуратно закрепив шов, я провела по зеленой ткани рукой, выискивая новые порезы, но с удивлением обнаружила, что их не осталось. Теперь над изголовьем кровати распустился целый сад белых пионов, и я отступила на шаг, чтобы полюбоваться своей работой.

На глаза тут же попала книга про местных божеств и я припомнила, что просила Феклу принести мне этот том. Что ж, раз это пока единственный источник информации, попробую воспользоваться им.

Я взяла книгу и вернулась в будуар: кресла там были удобными, одно из них стояло рядом с небольшим окном. Впустила в комнату Феклу, попросила принести чаю и углубилась в чтение в надежде найти хотя бы намеки на ответы.

Глава 5

Разумеется, никаких четких инструкций из религиозного текста я так и не получила. Однако с любопытством прочла историю о том, как небесная богиня и земной бог встретились и полюбили друг друга, и детьми их, как я и предполагала, стали все люди на земле.

Парочка, судя по легендам, вырисовывалась колоритная. Спокойная и мудрая мать-небо покровительствовала всем женщинам вообще, но вместе с тем – искусствам и науке, в том числе математике и философии. Темпераментный подземный отец был богом мужчин, но вместе с тем – земледелия, ткачества, денег, всего материального и природного вообще. Так и выходило, что любой человек в разные периоды жизни обращался к обоим богам, четкого деления между ними не было.

Нести волю божеств в мир должны были их ставленники. Увидев это слово, я даже моргнула: настолько уж претенциозно оно звучало. Но да, не ошиблась – ставленники богов получали в свое распоряжение магические силы, которые передавали по наследству, причем вовсе не обязательно родственникам.

Дойдя до истории про магию, я насторожилась, но увы, никаких толковых подробностей о ней вычленить не смогла. Легенды повествовали о самых разных дарах, среди которых “способность преодолевать взглядом время и пространство”, “власть над душами и умами”, “драгоценные таланты, возвеличенные в десять раз” и еще множество фраз, которых я не поняла вовсе. Поняла только, что по местному лору боги могли наделить человека дарами, лишь объединив усилия.

Ничего про переселение душ или историй о людях из других миров я в местном религиозном тексте не нашла. Да и вообще решила, что особенно доверять ему не стоит: может, он соотносится с реальностью примерно так же, как привычные мне религиозные тексты – то есть, почти никак.

Значит, в городе надо будет навестить еще и торговца книгами. Может, там найдется что-нибудь подходящее?

А вообще довольно странно, что отец Сашеньки не хранил каких-нибудь книг о своем даре. Или может, их просто не существует?

Воспоминания об отце потянули за собой мысли о наследстве, и конкретнее – о картинах. Я выглянула в окно, где солнце уже склонилось к горизонту, и поднялась с кресла.

Страх уже отступил, и я решила, что пора проверить, как там дела у Федора и Никиты. Когда подошла к флигелю, обустроенному под их мастерскую, оба работника сидели на траве у дома и шурились, глядя на небо.

– Неужели управились? – спросила я.

Они тут же вскочили и повернулись ко мне.

– Сделали все, как вы велели, Александра Константиновна, – торопливо отчитался Федор. – Вот, только на минуточку вышли.

Я покосилась на хорошенько примятую траву и узелок, который притаился в высокой траве. Но сделала вид, что поверила им.

– Показывайте.

Вместе мы зашли в совсем тесную мастерскую и мужики принялись по одной выкладывать на стол картины, которые я внимательно осматривала.

Пыль с них в самом деле убрали хорошо. Сами полотна выглядели вполне прилично, им повезло спастись и от воды, и от плесени. Но многие рамы так и остались в углу, и картины без них казались такими же голыми, как дама без пышных рюшей на юбке.

Вот, пожила в этом мире всего ничего, а к одежде местной настолько привыкла, что мне без нее некомфортно!

– Хорошо справились, осталось рамы поправить, – я шагнула к той стене, возле которой они были установлены. – Никита, ты же помнишь, как царапины воском заливать?

Парень несколько раз кивнул и у него загорелись глаза. Наверное, работать с деревом ему нравилось больше, чем вытирать пыль.

– Отлично. Вот эти и эти, – я указала на те рамы, которые пострадали меньше остальных, – поправите завтра.

Перевела взгляд на те, которые оказались сильно надтреснуты или почти расколоты, и вздохнула. Вот что с ними делать?

– Может, я новые выточу? – вдруг предложил Федор несмело. – Доски возьму сосновые, точь-в-точь узор повторю. Оно, конечно, выглядеть будет совсем ново, да всяко лучше, чем эти, битые.

Я задумалась, разглядывая картины. В старинных рамах из потемневшего от времени дерева они выглядели куда лучше, и без них утратят часть лоска. С другой стороны, свежее дерево ведь можно и состарить: покрасить тем же чаем, например, или морилкой обработать. Как она в местные времена называться должна... бейц что ли?

– Попробуй, – кивнула я. – Только сами полотна пока не трожь.

На Игоря смотреть не хотелось настолько, что ужинать я малодушно сбежала в спальню. И к утру уже жалела, что затеяла поездку в город. Однако список лавок, которые я хотела посетить, расширился в геометрической прогрессии: продовольствие, портной, лавки с красками, мастерская плотника, книжный магазин. Кроме того, я по-прежнему планировала заглянуть и к сестре Владимира Анатольевича. Об охране которого Игорь сейчас и распоряжался мужикам.

– Упустите – обратно на работу не приму и на фабрику зимой не попадете, – напутствовал он равнодушно, но пробирало даже лучше, чем если бы он принялся кричать или махать руками.

– Может, нам самим стоило отвезти его в управу? – спросила я, оборачиваясь на дом.

От мысли, что в моей кладовке сидит преступник, становилось не по себе.

– В дороге он точно сбежит, да и не наша это работа – преступников конвоировать, – ответил Игорь, но спокойствия мне его слова не прибавили.

Во дворе нас уже дожидался крытый экипаж, который еще с вечера прибыл из поместья мужа. Представив, что я могла бы провести в его салоне, наедине с Игорем, несколько часов, я даже вздрогнула. К счастью, с нами ехали Николай и Настасья, поэтому допрос с пристрастием мне в ближайшее время не грозил.

Но расслабилась я рановато. Игорь помог забраться в экипаж мне, Коленька – Насе, и когда колеса закрипели по отвратительной дороге, стало ясно, что время придется скрашивать разговором.

Чтобы не тратить драгоценные часы зря, я попросила у Настасьи список, который она составила. Гостья-экономка сразу достала его из потрепанного ридикюля и, смущаясь, протянула мне.

К стыду своему, я лишь бегло прошлась по кладовым перед отъездом и хотя примерно представляла, чего и сколько в хозяйстве недостает, точные подсчеты оставила на совести гостыи. Раз уж она живет в этом доме на всем готовом, пусть поможет хотя бы так, однако в городе я рассчитывала поискать и экономку, и нового управляющего.

– Какая же вы предусмотрительная, Анастасия Дмитриевна. Нам с вами ужасно повезло, правда, Игорь Павлович? – я насколько могла невинно хлопнула глазами и взглянула на мужа.

На него мои слова не возымели ровным счетом никакого эффекта, но беседу он из вежливости поддержал.

– В самом деле. Кому-то в будущем повезет с супругой, – он вернул мне едкий взгляд, но я только шире улыбнулась в ответ.

Щеки Настеньки порозовели и она, мельком взглянув на Игоря, опустила глаза. Он ее ужимки заметил, хоть и не отреагировал.

Так держать, дорогая! Еще немного – и мой муж сам к твоим ногам рухнет.

И нет, мне не противно на это смотреть: я ведь именно затем и завела разговор о достоинствах нашей гостьи.

– Впрочем, мне повезло не меньше. Другой такой... необычной дамы, как моя дорогая супруга, я нигде не встречал, – добавил вдруг Игорь, не меняя ни язвительной улыбки, ни ядовитого тона.

Издевается! Что ж, сам напросился.

– Взаимно, дорогой, – я вернула мужу ядовитую улыбку, спрятанную за веером, который все же прихватила из дома. – Другого столь же обходительного и изобретательного в беседах джентльмена не сыскать, наверное, не только в нашей стране, но и за ее пределами.

Судя по тому, как Игорь слегка прищурился, мой намек на его не в меру острый язык он уловил. Однако наши собеседники, похоже, сочли этот обмен саркастичными любезностями искренним: Коленька сидел мрачнее тучи, что явно порадовало Игоря, Настенька переводила с меня на мужа восхищенный взгляд.

– Надеюсь, и мне повезет когда-нибудь встретить человека, в котором я найду столько же понимания, сколько и вы друг в друге, – с улыбкой выдохнула она.

Мы с Игорем переглянулись и оба, не сумев удержать серьезные лица, рассмеялись, еще сильнее вгоняя Коленьку и Настю в ступор.

Упаси тебя боги, милая Настенька, от такого взаимопонимания, которое сложилось между мной и Игорем. Но увы, вслух я этого сказать не могу.

Остаток пути мы проделали относительно мирно. Коленька пару раз пытался задеть Игоря, но разумеется безуспешно. Я всякий раз торопливо переводила разговор в сугубо практическую плоскость будущих планов и предстоящих дел.

Стоило нам оказаться на городских улицах, как разговор сам собой затих: ему мешал гул голосов и стук копыт, да и я приникла к окну, разглядывая совсем непривычный, но такой живой город.

Дороги с непривычки казались мне узкими, хотя на той, по которой мы ехали, без проблем могли разъехаться два экипажа. Я глазела на коренастые квадратные дома в два этажа, на вывески лавок, разглядывала людей в пестрой, уже по-летнему легкой одежде, принохивалась, улавливая такие типичные для деревни ароматы вперемешку с восточными специями и запахами из съестных лавок.

Карета остановилась на тихой улочке перед одним из тех самых коренастых домов. Правда, ставни его окон украшало кружево затейливой резьбы, при взгляде на которую я сразу вспомнила Федора и картины, во дворе почти отцвели молодые яблони, служанка мела широкое крыльцо, но увидев экипаж, исчезла в доме.

Стоило карете остановиться, я хотела выпрыгнуть наружу, чтобы наконец размять ноги, но вовремя вспомнила о местных правилах приличия. Дождалась, пока Игорь поможет мне спуститься по узкой откидной ступеньке и вышла под ласковое весеннее солнце. Как могла незаметно размяла плечи, осматривая небольшой уютный двор.

Оба этажа принадлежали Игорю, и разумеется никаких комнат он не сдавал. Широкая женщина в белом переднике, которая представилась Агафьей, недобро глянула на меня, низко поклонилась Игорю и сообщила, что обед уже нас дожидается. При этом смотрела она только на мужа, ко мне же даже не поворачивалась.

Игорь ее одергивать не спешил, так что и я повременила с возмущениями и позволила мужу проводить себя в маленькую, но уютную столовую, где к нашему приезду в самом деле накрыли простой, но сытный обед.

По пути ловила недобрые взгляды других слуг, и чем дольше вглядывалась в лица, тем больше видела откровенной неприязни.

Любопытно. Чем же Сашенька успела им насолить, если здесь, наверное, даже не бывала. Или бывала? Как же тяжело ничего о ней не знать! Придется выяснять все самой.

Глава 6

После короткого позднего обеда Игорь сразу засобирався в город. Я взглянула на неприветливых слуг, которые то и дело бросали мне в спину злые взгляды, и поняла, что оставаться в этом неприветливом доме одной куда страшнее, чем находиться рядом с Игорем.

– Я поеду в управу с вами, – сразу сообразив, куда он направится в первую очередь, поставила перед фактом я.

Но с Игорем этот прием не сработал.

– Лучше отдохните, дорогая. Я только сообщу обо всем, чтобы в ваше поместье выслали экипаж и забрали Владимира Анатольевича в более подходящие для него условия, – мрачно съязвил муж. – Когда он будет здесь, наведаемся в управу вместе и вы дадите показания.

– Вот так сразу уедете? Даже не покажете свой дом? – ухватила за следующий аргумент я.

Удержать совершенно холодное лицо не удалось и кажется, Игорь понял, что я банально трушу оставаться тут в одиночку.

– Наш дом, Александра Константиновна. В котором вы, смею напомнить, уже бывали, – мягко улыбнулся он и вдруг погладил меня по плечу, как ребенка.

Не знаю, чего испугалась больше: внепланового проявления моей “амнезии” или того, как изменился его тон. На этот раз никакого подвоха найти не смогла, только сквозящую в каждом слове легкую печаль.

Вот самому же тебе не хочется ни меня видеть своей женой, ни разбираться со всеми этими проблемами. Так чего же ты в меня вцепился, зараза?

Других возражений я не придумала и Игорь все же ушел. Коленька тоже отправился в город.

– Узнаю, примет ли кто мои картины, – будто оправдываясь, сообщил он, когда я застала его на пути к дверям.

Даже если и собирався проворачивать еще какие-нибудь дела, проследить за ним сама я не могу, и из слуг никого не отправишь: все смотрят на меня в лучшем случае косо.

Бледная с долгой дороги Настенька попросила проводить ее в комнату, и ее желание удовлетворили с большой охотой. А вот у меня никто даже не спросил, не надо ли чего, хоть Игорь прямо сказал, что я здесь такая же хозяйка, как и он.

Непорядок, надо исправлять!

– Как тебя зовут? – спросила я у молодой девицы, которая усиленно делала вид, что очень занята протиранием пыли с низкого чайного столика.

– Марфа, – с досадой отложив тряпку, она присела в не слишком низком книксене.

– Проводи меня в спальню, – спокойно, но уверенно потребовала я.

Работница удивленно глянула исподлобья, но послушаться прямого приказа не решилась и первой направилась к узкой лестнице. С нее мы попали в длинный коридор на втором этаже, по обеим сторонам которого располагались комнаты. Слева находилась гостевая часть, в которой уже отдыхала Настенька, справа – ряд проходных комнат. Туда-то меня и повела служанка.

Небольшая гостиная с массивным зеркалом над камином, маленьким шахматным столиком у окна с двумя плетеными креслами рядом, из нее – пустующий кабинет, которыми никто явно не пользовался, дальше – небольшая зона для отдыха с уютным диваном и книжным шкафом, к которому я решила вскоре обязательно вернуться, за ней – маленькая, но уютная спальня с просторной кроватью.

– Взбей подушки и можешь идти, – вновь подала голос я, как только служанка собралась улизнуть.

Она снова бросила на меня злой взгляд, но распоряжение выполнила, после чего почти пулей вылетела из спальни.

Интересно, что такого успела сделать Сашенька в свой предыдущий визит сюда, раз слуги ей это припоминают и спустя два года?

Ложиться я не собиралась, но пусть слуги думают, что барыня изволит вздремнуть после обеда.

Когда шаги горничной раздалась в коридоре, я вышла, плотно прикрыла двери в спальню и направилась к черной лестнице для слуг, которая оказалась еще уже и меньше, чем та, по которой меня вели.

Спускаться по ней не стала, остановилась наверху и прислушалась. Не прогадала: и отсюда прекрасно различила голоса работниц.

– ... а видала Настасью Дмитриевну? Она сразу видно, что барышня достойная. Не то, что наша, – шептала Марфа.

– Видала. Уж такая милая девица, такая скромница. Барыня с ней и рядом не стояла, – отвечала ее собеседница – явно женщина постарше. – Чую, неспроста Игорь Павлович ее привез. Деток-то у них со стервой этой до сих пор нет, а скоро уж и три года минет. Глядишь, и разведутся, да будет у нас вскоре хорошая хозяйка.

– Вот славно было бы! – поддакнула ей Марфа. – Только бы Анастасия Константиновна не вспылила. А то в прошлый раз...

– Хватит языками чесать! – вмешалась в разговор третья дама. – Работы в доме непоча-тый край, а они под лестницей прячутся. А ну марш на кухню! И чтобы о прошлом – ни слова!

Судя по командному тону, сплетниц разогнала экономка. Я даже немного ее зауважала: она ведь тоже на меня смотрела, поджав губы, но работницам сплетни распускать не позволила. Не обо мне, так хоть об Игоре подумала. Только вот очень уж не вовремя на влезла. Может, Марфа бы обмолвилась хоть о чем-нибудь полезном?

Не желая искушать судьбу и дальше, я тихонько отошла от лестницы и вернулась в гостиную. Осмотрелась в поисках какой-нибудь особенной вещички. Такой, которая явно стояла бы тут давно.

Внимание снова привлёк шахматный столик. Сам по себе он ничем не выделялся: три изогнутые ножки и квадраты доски, выгравированные прямо в столешнице. А вот фигуры показались весьма любопытными.

Я села на плетеное кресло и принялась их разглядывать. “Черные” оказались нефритовыми, зеленый камень с характерными прожилками я распознала сразу. А вот из какого камня изготовлены “белые”, которые скорее имели оттенок топленого молока, я понять не смогла. Но наверное это тоже какой-то полудрагоценный минерал.

Все фигурки были стилизованы под армию Индии. Король в огромном тюрбане восседал на троне, скрестив ноги, ферзь – визирь, стоящий в полупоклоне со сложенными на груди руками. Ладья действительно была ладьей, а слон – слоном с всадником на широкой спине. Кони – верховые всадники с копьями, пешки – солдаты с ружьями и в тюрбанах поменьше королевского.

От времени фигурки покрылись пылью, ими явно давно никто не пользовался. И убираются тут, похоже, спустя рукава. Надо будет найти экономку и сообщить ей об этом. Но пока что я достала из-за корсажа платочек, взяла ближайшего белого слона и принялась стирать с него пыль, аккуратно проходясь тканью по всем изгибам фигурки.

– Такой сильный и мудрый. Наверняка ведь знаешь, что тут происходило в прошлый мой визит? – шепнула я.

Изумруд в перстне сверкнул от солнечного луча, бьющего в окно, фигурка в руках нагрелась и комната подернулась знакомой дымкой.

“А я говорю выбрасывай, и не смей со мной спорить! Я тут хозяйка, что хочу – то и делаю!” – почти визжала Сашенька.

“Так от барина же подарки, как можно? Хотите, я заштопаю – и видно не будет?” – бормотала растерянная Марфа, и я едва узнавала ее испуганный голос.

“Если я ему так уж нужна, купит других платьев!”, – сварливо отозвалась Сашенька. – “А эти в печи стопи!”.

Я моргнула, посмотрела на матово блестящий в руке полированный камень и вернула слона на доску.

Выходит, Сашенька действительно портила подарки мужа, и управляющий тут не причем. Он только воспользовался репутацией сварливой барыни, но почву для дурной славы на создала сама.

Плохо. Нарбатывать репутацию и без того непросто, а уж вытаскивать ее из грязи – и того сложнее. К тому же, как бы я не вела себя сейчас, прошлого не перечеркнуть. И все же не дело это – жить в пыли. И жаться в углу этого дома я не собираюсь! По крайней мере до тех пор, пока остаюсь женой Игоря.

Начнем, пожалуй, с нормальной уборки!

Я решительно поднялась с кресла и направилась на поиски экономки. Обнаружила ее в столовой: она руководила парадом служанок, которые накрывали к ужину.

– Отдохнули, Александра Константиновна? – равнодушно спросила она, когда я появилась в дверях.

– Попыталась, но комнаты так пропылены, что и уснуть не вышло. Надо там прибраться, – не терпящим возражения тоном потребовала я и тут же вспомнила, что именно так сам Игорь обычно разговаривал со слугами.

Дурные манеры видимо заразны.

– Перед вашим приездом комнаты убрали, барыня, – возразила экономка, но взгляд ее забегал.

– Плохо убрали. Не верите мне – идемте, сами оцените качество уборки, – не сдавалась я и развернулась.

Шагнула к лестнице, но экономка и не подумала сдвинуться с места.

– Не заставляйте меня ждать, – бросила я, не оборачиваясь.

До женщины наконец дошло и она двинулась вслед за мной на второй этаж. В гостиной я провела платочком по другой шахматной фигурке, потом по раме зеркала, где тоже скопилось немало пыли, и показала посеребшую ткань экономке.

– Похоже, без хозяйской руки слуги расслабились. Кто здесь убирался? – потребовала ответа я, потому что женщина не торопилась ни оправдываться, ни решать проблему.

– Марфа убиралась, – процедила она.

– Пришлите ее сюда, пусть исправляет. Я прослежу.

– Но Александра Константиновна, а ужин как же? – попыталась возразить она.

– Марфа разве такая важная птица, что без нее ужина не получится? Если так, может мне ее на место экономки поставить? – пригрозила я.

Работница побледнела еще сильнее и после моего разрешающего кивка вышла за дверь. Вскоре явилась Марфа с ведром воды и тряпками, под моим тяжелым взглядом поупуцовела то ли от страха, то ли от злобы.

– Принимайся, – я кивнула на комнату, а сама вернулась в кабинет.

Планировала понаблюдать за уборкой, но просто сидеть и пялиться на служанку не хотелось, поэтому я решила для начала разжиться книгой. Может, мне повезет и в доме найдется хоть что-нибудь про местную магию?

Глава 7

Увы, за пыльной стеклянной дверцей шкафа в кабинете никаких учебников по магии или инструкций для попаданцев не обнаружилось. Я наугад вытащила пухлый синий томик из плотно составленного ряда и вернулась в гостиную, но едва успела присесть, как раздался звон.

Служанка ойкнула и отскочила, моим глазам предстали осколки фарфоровой чашки, которая прежде стояла на каминной полке на специальной подставке.

Синий узор очень напоминал орнамент на вазах из отцовского наследства. Я тут же отбросила книгу и подошла к камину.

– Я сейчас же все уберу! – пискнула горничная.

– Стой! – скомандовала я, когда она потянулась собирать осколки.

Хотела сказать ей, чтобы ничего не трогала, и собрать остатки декоративной тарелки самостоятельно, но замерла испуганным кроликом, услышав в коридоре знакомые шаги, которые перемежались с тихим стуком трости.

Тут же обругала себя за страх: вот еще не хватало бояться шагов собственного мужа! Придет – не придет, какая разница? С тарелкой надо разобраться!

К тому моменту, как Игорь появился в гостиной, я аккуратно собирала на платочек мелкие осколки. Ни один не должен пропасть – я истолку их еще мельче и добавлю в раствор для восстановления. Так будет проще скрыть место скола...

– Не гоните, барин! Это Александра Константиновна разбить изволила в гневе! – заверещала Марфа, как только Игорь показался в дверях.

Меня настолько удивили ее слова, что я даже разозлиться не сумела. Все еще сидя на коленях перед разбитой тарелкой, подняла на мужа смеющийся взгляд. Вот только Игорю, похоже, не до смеха: он старался выглядеть равнодушным, но все же легкий прищур и сжатые на трости пальцы выдавали, что ему на ситуацию совсем не плевать.

В чем дело? Ему так важна эта тарелка, или боится, что я опять начну буяннить?

В поисках ответа я вновь опустила взгляд на фарфор, и только теперь хорошенько разглядела узор.

Ого! Да это же не просто дешевый сувенир.

– Настоящая китайская роспись кобальтом? Век... тринадцатый или четырнадцатый? – пробормотала я, чувствуя, как дрожат пальцы.

Вещи такой старины и редкости мне не так уж и часто приходилось держать в руках даже в прежнем теле.

– Начало четырнадцатого, – педантично уточнил Игорь. – Около десятых годов.

– Я ничего не била, – торопливо добавила я, собирая остатки осколков в платок и крепко завязывая его. – Тарелка упала... – я покосилась на работницу, которая смотрела на мужа, словно преданная собака, и кажется, всецело верила в его защиту, – случайно. Я почию ее.

– Марфа, закончишь позже. Пока иди, – бросил Игорь, но на служанку даже не взглянул – неотрывно смотрел только на меня.

Да и пусть смотрит, на этот раз мне скрывать нечего!

Я отложила в сторону платок и огляделась в поисках чего-нибудь, во что можно собрать более крупные осколки. Всего три: две половины тарелки и один обломившийся край. Можно сказать повезло, собрать блюдо будет довольно легко.

Игорь вдруг отставил трость и опустился на колено напротив меня. Сам собрал крупные части, скользнув взглядом по моим рукам. Без перчаток, разумеется. Цыкнул, но ничего не сказал.

– Кабинет пустует, можно я займу стол в нем? – перешла к делу я, чтобы не тянуть время. Но сбить с толку дипломата мне конечно же оказалось не по силам.

– Утверждаете, что служанка лжет, и это – не ваших рук дело? – он кивнул на крупные осколки. – И ждете, что я вновь вам поверю?

Он издевается?

Я попыталась отобрать у него осколки, но он поднялся и первым направился в кабинет. Я прихватила импровизированный мешочек с фарфоровым крошечком и пошла вслед за ним. Пока смотрела в его самоуверенную спину, появилась одна идея.

– Вам вовсе не обязательно верить мне на слово. Если желаете – можете проверить так же, как в прошлый раз, – я даже нос вздернула, хоть и боялась до жути.

Но раз других источников информации о его даре нет, почему бы не почувствовать его на себе еще раз? Может, тогда я лучше пойму, как он работает?

– Вы не против? – искренне удивился Игорь, аккуратно составляя осколки на стол.

Вместо ответа я протянула ему руку. Игорь тут же воспользовался предложением, и аккуратно сжал мои пальцы.

– Помнится, два года назад вы настоятельно требовали, чтобы я не применял к вам свой дар, – насмешливо улыбнулся он.

– Если это поможет вам убедиться в моем здравом рассудке, так уж и быть, я поступлюсь своей к вам неприязнью, – не удержалась от мелкой колкости я.

– Лестно, что вам стало настолько небезразлично мое мнение о вашем рассудке, – тут же нашелся с ответом Игорь.

Зараза! Но кажется, мои странности уже перестали его удивлять. Он продолжал коллекционировать их – но как будто больше по привычке.

Наверное сделал какие-то выводы о том, что со мной произошло. Интересно, как он объяснил себе мои странности? Может, раскрытием дара? Хорошо, если так.

Но сейчас важно другое. Когда муж посмотрел мне в глаза, я сосредоточилась на том, что происходит в мыслях. Они снова замедлились, и опять бурный поток остановился, пропуская только единственную слабую нить. На этот раз я решила не сопротивляться, и потому выдала информацию, которая интересовала Игоря, сразу, не обдумывая:

– Я позвала Марфу, чтобы она нормально вытерла пыль в гостиной, и во время уборки тарелка упала, – с легким сердцем призналась я.

Итак, Игорь как минимум может заставить людей говорить правду или то, что они считают правдой, не совсем по их воле. Это теперь ясно совершенно точно. Но вряд ли его способности этим ограничиваются. Как бы выведать, что еще он может?

Пока я размышляла, муж отпустил мои пальцы и кивнул.

– В таком случае надо рассчитать ее. В нашем доме не место девицам, которые клеветают на господ.

В “нашем” доме... По коже пробежал легкий мороз оттого, как повелительно это прозвучало. Неужели он правда решил, что не откажется от брака, несмотря на историю с Коленькой и мое родовое безумие? Черт!

– Тогда лучше уж сами распорядитесь, Игорь Павлович. Репутация в вашем доме у меня так себе, меня экономка может и вовсе не слушает, – пробормотала я и отвернулась от мужа, пытаюсь скрыть волнение.

– А вы сделайте так, чтобы послушала, – возразил он. В его тоне прозвучал вызов, или мне только показалось?

“Докажи, что изменилась”, – почти неприкрыто звучало в его словах. Вот только доказывать я ему ничего не хочу! Однако и возвращаться к тактике Сашеньки, которая трепала всем вокруг нервы, тоже.

Что же делать? Надо подумать – рубить с плеча точно не стоит.

– С Марфой я поговорю позже. Мы успеем сегодня навеститься к сестре Владимира Анатольевича?

– Можем отправляться, если вы готовы, – не стал на этот раз упрямыться Игорь и я с облегчением подхватила веер, кружевные перчатки и легкую шляпку.

Мне было действительно любопытно увидеть, как живет сестра управляющего. В тайне я даже надеялась, что найду в ее доме какие-нибудь части своего наследства из тех, что Владимир Анатольевич “продал”. Однако когда коляска подъехала к почерневшему от старости деревянному дому с маленькими окнами-бойницами, сильно засомневалась, что в нем вообще можно жить, и уж тем более хранить драгоценный антиквариат.

Стоило нам ступить на землю, как дверь с тяжелым скрипом распахнулась, из нее вышла сгорбленная старуха.

– Это вы к Агриппине Терентьевне? – глядя на нас с опасливым уважением, прошамкала на почти беззубым ртом.

– Да. В обед вам должны были доставить записку, – ответил Игорь.

– Проходите, – бабка первой поковыляла к двери, прихрамывая.

Я пошла вслед за ней, чувствуя, что Игорь идет за мой спиной, совсем рядом, будто пытается защитить меня от какой-то неявной угрозы.

Но кроме мышей по углам и стойкого запаха плесени никаких опасностей я не ощущала.

Сестра управляющего ютилась в двух маленьких комнатах в самом дальнем конце первого этажа. Проходя мимо парадной лестницы я мельком глянула на нее и успела заметить, что некоторые ступеньки прогнили и обвалились, а дверь наверху заколочена. Других жильцов я не заметила. Может, их здесь и вовсе не было.

В полутьме я не увидела провалившуюся доску и споткнулась. Едва не налетела на семенившую впереди старуху, но Игорь успел подхватить меня под локоть и уже не отпустил до тех пор, пока мы не добрались до узкой двери.

Муж вопреки правилам приличия не пустил меня вперед – шагнул в полутемную комнату первым. Я не успела даже рассмотреть, что в ней происходит, когда услышала звонкий и сварливый голос другой старухи.

– Вот и ты, проклятуший колдун! Ну поди сюда, получишь у меня на орехи! Братца моего со свету сжил, теперь и за меня хочешь приняться? Фиг тебе!

Глава 8

Не ожидавший такого напора Игорь замер в дверях.

– Понимаю, вы беспокоитесь за брата, но готов вас заверить, что он...

– “Беспокоитесь”! – передразнила бабка. – Да я видеть не желаю этого аферюгу! И никаких дел с ним не имею, так что проваливай, если не хочешь, чтобы я все твои грехи перед женой вывалила!

Какие еще грехи она вывалить может? Любопытно!

Пока бабка ругалась, я протиснулась в щель между плечом Игоря и дверным косяком, и наконец смогла рассмотреть и комнату, и ее обитательницу.

Все вокруг оказалось завалено старыми газетами и книгами, которые лежали на обшарпанной деревянной мебели вперемешку, без всякой системы. Посреди всего этого в узком и даже на вид неудобном кресле сидела тощая женщина в простом сером платье. Ее седые волосы были стянуты на затылке в пучок, но прическу она уложила так, чтобы прикрыть волосами левый глаз. Однако то ли от волнения, то ли от злобы пряди сбились, открывая миру подернутый белой пленкой слепой зрачок.

Впрочем, здоровым зеленым глазом старая ведьма сверкала вполне уверенно.

– Мы вас ни в чем и не обвиняем, – поспешила заверить старуху я, отпихивая Игоря назад. – Лишь приехали узнать, не требуется ли вам помощь.

– Володька, паразит, наверное все глаза выплакал, сестрицу свою вспоминая, – старуха с досадой стукнула кулаком по деревянному подлокотнику, и только теперь я заметила на большом пальце ее левой руки кольцо с массивным желтым камнем.

Янтарь что ли?

С каждой минутой все интереснее!

– Именно так, – кивнула я и мельком взглянула на Игоря.

Он уже тоже заметил перстень и смотрел на старуху оценивающе.

– Меня зовут Александра, я...

– Неужто ты, милочка, думаешь, будто я не знаю, как тебя зовут? И Игоря Павловича мне представлять не надо. Может, я и не ходяча, но лучше меня никто не знает городских новостей, – самодовольно улыбнулась старуха, и ее блеклый слепой глаз матово блеснул той же желтизной, что и перстень.

Значит, ее дар позволяет подслушивать или подглядывать новости? Как же плохо ничего не знать о местной магии!

– Раз знаете, значит вам известно, что мы к вам с добрыми намерениями, – подытожила я.

– Этого мне не ведомо. Такое не по моей части, – и старуха вновь красноречиво взглянула на Игоря. – А вот защититься от всяких непотребств мне вполне по силам, так что даже не пытайся мозги мои корчевать! Мне уже бояться нечего: хоть ты герцог Антиквы, хоть сам султан Сулейман, все одно – такую отдачу получишь, что на всю жизнь идиотом останешься!

Она знает, как защищаться от дара Игоря? Мне нужна эта бабка! И плевать на ее характер.

Мужа ситуация, кажется, веселила. На женщину он не злился и снова предоставил мне вести переговоры, покорно отступив к двери. Вот и ладненько.

– Значит, с Владимиром Анатольевичем у вас никаких дел нет? И денег он вам никаких не посылал?

– Каких денег? – скрипнула бабка, скрестив руки на груди. – От него и письма не дождешься, не то что денег. Племянничка своего только мне на шею свесил, да и тот усакал, когда жареным запахло.

– Вы про Николая?

– Про кого ж еще?

Нет, эту бабу точно упускать нельзя, слишком уж много она знает.

– На что же вы жили, если на не деньги от афер вашего брата? – спросил Игорь, когда я немного замешкалась.

Старуха горделиво вздернула крючковатый нос.

– Я может и не ходяча, да вижу поболее, чем другие. Без меня в этом городе и половину преступников бы не поймали. Исправник на награду скуп, но на жизнь и газеты хватает.

Я снова обвела взглядом комнату и действительно заметила стопку новых изданий на столе рядом с креслом старухи. Потом взгляд сам собой упал на ее совсем тощие ноги.

– Не надоело вам в этих комнатухах ютиться и за ворами подглядывать? – аккуратно начала я, возвращая старухе оценивающий взгляд.

– Это дело не твое. Еще скажи, что я слишком стара, чтобы на управу работать, – проворчала старуха, но судя по тому, как скривилась при упоминании комнат, мои слова попали в цель.

– Не хотите за город перебраться? – продолжила я.

– Экономкой что ли? Ни в жизнь! С пирогами и посудой возиться и без меня охочих много! – не сдавалась карга.

– А если на место управляющего? Вы ведь все видите, за хозяйством приглядеть сможете лучше других, – подольстила я и шагнула вперед.

– Мужу своему улыбайся, вертихвостка, мне не надо. В деревне я с тоски помру, – выпалила старуха, но уже не так злобно, как в начале разговора.

– Скучно вам не будет, уверяю: я задумала производить кое-что, и понадобится человек со связями в городе. Племянника своего, опять же, воспитаєте. Комнату вам выделю просторную, кресло с колесами закажу, – продолжала упорствовать я.

На словах про кресло глаза старухи блеснули алчно.

– Пряма таки кресло? – прищурилась она.

Я кивнула.

– А еще представьте, как вашего брата перекосит, когда он узнает, кто его место занял? – добавила финальный аргумент я, и бабу просияла.

Хлопнула в ладоши и разразилась хриплым каркающим смехом.

– Знаешь, с чего зайти, старьевщица, – одобительно кивнула она.

– Но разумеется все это – после того, как в управе убедятся, что вы не причастны к делам вашего брата, – добавила я.

Все же брать в поместье первого попавшегося человека рискованно, надо будет самой порасспрашивать в управе про эту женщину.

– Разве я сказала, что согласна? – бабу козырнула на удивление здоровой для ее лет улыбкой. – У меня, милочка, тоже условия есть.

– Какие же? – я от любопытства даже подалась еще вперед.

– Вот приедешь ко мне через три дня, одна – и узнаешь, какие.

– Вы думаете, я отпущу супругу одну, сюда? – взвился Игорь, про которого я уже успела забыть.

– Ладно, не одну. Главное, без тебя, мозгоклюй, – фыркнула бабу.

Игорь хотел ей что-то ответить, но я умоляюще взглянула на него.

– Дорогой, я совсем не против взять кого-нибудь для охраны, но давай обсудим это дома?

Мы поборолись взглядами несколько секунд – его тяжелый против моего просящего – и Игорь сдался! Я чуть в ладоши не хлопнула, осознав победу.

– Поступайте, как считаете нужным, – выдал он.

Отлично!

– Как вас зовут? – запоздало вспомнив о приличиях, спросила у старухи я.

– Агриппина Терентьевна, – усмехнулась старуха. – Жду вас через три дня, барышня.

На том мы и распрощались. Выходя из комнаты, я заприметила среди книг довольно старую, с порядком потрепанными краями. Скользнула взглядом по тисненым позолотой буквам на названии и замерла.

“Магические дары: классификация, специфика, побочные эффекты применения” – гласили буквы.

– Могу я...

– Нет! – гаркнула старуха, не успела я и задать вопрос. – Если исполнишь свое обещание и на место братца меня возьмешь, то отдам тебе и эту книгу, и дургие, какие захочешь. А пока – без моего слова она тебе и не откроется. Идите уже, голова от вас болит!

Ух, ведьма старая! Но что-то мне подсказывает, что мы найдем общий язык.

Выйдя из пахнущего плесенью дома, я с наслаждением втянула носом свежий воздух. Игорь же оставался мрачен даже после того, как мы грузились в карету.

– Боитесь, что эта эксцентричная мадам и впрямь выдаст какие-то ваши старые секреты? – не удержалась от вопроса я.

– Если и выдаст – сделает хуже только вам. Такого компромата, который позволил бы вам получить развод, эта мадам не знает, – равнодушно отозвался муж.

Интересно, какая информация об Игоре может сделать хуже мне? Я разрывалась от противоречивых желаний: с одной стороны, до зуда в пальцах хотелось знать, что такого страшного может быть в его прошлом. С другой, если мне и правда не удастся с ним развестись, может, действительно лучше не знать о нем всего?

Дилемма вылетела из головы, стоило карете свернуть на улицу, сплошь состоящую из торговых лавок. Я тут же начала вчитываться в вывески, отыскивая нужное.

“Магазин для живописцев и чертежников” – гласила аккуратно выкрашенная вывеска над маленькой дверью.

– В первую очередь туда, – я кивнула на нужную лавку, мысленно потирая руки.

Игорь спорить не стал и крикнул слуге, чтобы тот остановился у обочины. Не дожидаясь его помощи, я соскочила на брусчатку и направилась к двери. Но в маленьком окошке за полупрозрачным тюлем заметила Коленку, который о чем-то яростно спорил с продавцом – немолодой мужчиной в круглых очках.

Повинуясь инстинктивному порыву, я замерла, прислушиваясь.

Глава 9

– Я честный человек, дворянин! Как вы смеете? – разорвался Коленька в лицо невозмутимому торговцу.

– Может и дворянин, да фамилией за товар не заплатишь. Чеки ваши цены уж давно не имеют, Николай Иванович, и долга на вас – почти двадцать рублей, – хладнокровно осадил юношу владелец лавки.

– Так как же я их отдам, ежели картину не напишу? – возмутился в ответ бывший возлюбленный Сашеньки.

– Мое какое дело? Сначала деньги, потом товар!

Коленька побагровел, торговец же вовсе не изменился в лице. Игорь за моей спиной фыркнул.

– Похоже, ваш живописец слишком буквально воспринял фразу “художник должен быть голодным”. Продолжите привечать его?

– Продолжу. Хотя бы ради удовольствия видеть, как он вас раздражает, – как всегда не смогла смолчать я.

Однако просто проедать наши запасы и впредь Коленька не будет. Я планировала сделать его “ногами” Агриппины, если она все же сможет взяться за дела имения, и найти ему работу в мастерской. Коленька наверняка не так уж плох как художник, и его наметанная рука гораздо лучше справится с восполнением утраченных частей картин, чем моя.

Игорь цыкнул, но я не стала посвящать его в свои замыслы. Пусть побесится.

Тем временем наш гость вышел из лавки, хлопнув дверью, и направился вниз по улице, даже не заметив нас. Мысли в его голове явно бродили не самые радужные, так что я решила не окликать юношу и зашла в лавку. В нос тут же ударил запах масла и лака, и я невольно улыбнулась.

– Чего изволите, господа? – хозяин лавки улыбнулся так искренне, что если бы я не видела его равнодушное лицо минуту назад, приняла бы его за самого добродушного человека в мире.

Товары я выбирала придирчиво и долго. Базовые цвета масляных красок, матовый лак для портрета генерала и других картин, которые еще только предстоит очистить, отличный набор кистей разной формы и степени жесткости – всем этим я обогатилась за пару часов разглядывания товаров и азартного торга. Покупки безропотно оплатил Игорь, хотя в его равнодушии я уже читала вопросы, которые он наверняка задаст, стоит нам остаться наедине.

Как только мы вернулись в экипаж, я первой перешла в атаку, не дожидаясь очередной колкости.

– Вы глубоко ошибаетесь, если полагаете, что познания о материалах для художников я получила в общении с Николаем, – проворчала я, не позволяя Игорю заговорить первым.

– В таком случае откуда вам все это известно? – примирительно улыбнулся муж.

Только теперь, когда мы сидели так близко, я заметила ямочки на его щеках. Или дело просто в том, что прежде он мне не улыбался? Сердце екнуло то ли оттого, насколько потеплел его взгляд, то ли от прыжка экипажа на очередной кочке, то ли от необходимости отвечать на очередной неудобный вопрос.

– Я очень много читала в ваше отсутствие, – не слишком-то правдоподобно, но чем мне еще оправдываться?

Ждала, что Игорь и на этот раз начнет допытываться названий журналов, газет или книг, но он кажется уже понял, что это бесполезно, и расспросы прекратил. Однако судя по задумчивым взглядам, которые он изредка бросал на меня, отвлекаясь от темнеющего неба за окном, мы еще вернемся к этому разговору.

Он же явно что-то подозревает, так почему продолжает только наблюдать?

Стоило задуматься об этом, как я ощутила, что словно муха уже увязла в паутине по самые крылья. И чем сильнее билась, тем крепче сжимались вокруг тела невидимые нити. Так что когда Игорь подал мне руку, помогая выбраться из экипажа, даже мелко вздрогнула от его прикосновения. Заметив это, муж помрачнел, но и на этот раз не стал ничего комментировать.

– Анастасия Дмитриевна и Николай Иванович уже отужинали и изволили идти отдыхать, – отчиталась экономка. – Для вас уже накрыто в столовой.

На этот раз смотрела она не со злобой, а с опаской. Наверняка уже знает, что Марфа додумалась врать Игорю обо мне, и теперь ждет, что я буду делать.

За ужином я размышляла, как лучше поступить, пока Марфа, пытаясь загладить вину, хлопотала вокруг, словно я малый ребенок. Ее подобострастный взгляд в глаза мне совсем не нравился, и к концу ужина я решила, что от этой мерзкой девицы точно надо избавиться. Но для начала – попробую воспользоваться ее попытками выслужиться.

– Идем, поможешь мне с платьем, – сказала я Марфе, когда припозднившийся ужин завершился.

Игорь вышел во двор, чтобы перекинуться парой слов с кем-то из знакомых соседей, и я воспользовалась этим, чтобы ускользнуть в спальню.

– Если не хочешь вылететь из дома без денег и рекомендаций, отвечай на мои вопросы, – потребовала я, пока Марфа возилась с крючками на моем платье.

Она так вздрогнула, что уколола меня одним из них в спину. Я зашипела и она принялась извиняться, кланяясь на каждом слове.

– Прекрати. Выпрямись, – потребовала я, и она тут же застыла столбом, белая как мел.

– Слугам что-нибудь известно о том, почему Игорь Павлович на мне женился?

Марфа отступила на шаг и сложила руки на груди.

– Да как же я вам, барыня, такое пересказывать могу?

– Говори! Или сейчас же окажешься за порогом, и ни в один приличный дом тебя уже не возьмут, – пригрозила я.

Блефовала: у меня и знакомых-то в городе нет, чтобы ославить эту девицу, но Марфа впечатлилась.

– Я сама не знаю, но старые слуги, которых уже и в доме нет, говорили, что Игорь Павлович жениться очень не хотел, – торопливо залепетала она, поминутно оглядываясь. – Согласился только когда батюшка ваш в ноги ему бросился.

Я тоже прислушалась на всякий случай к шагам снаружи, но ни стука подошв сапог, ни глухих ударов трости о деревянный пол не услышала.

– Прямо в ноги? Брешут, наверное, – пробормотала я.

Сразу вспомнился седой круглый старик из видений про Сашеньку и родовой перстень. Он и ходил-то с трудом, поминутно утирая со лба испарину, а чтобы в ноги кому-то падать – как он поднялся вообще после такого?

– Не знаю. За что купила – за то и продаю, – мотнула головой Марфа.

– А почему он жениться не хотел, кто-нибудь рассказывал?

Марфа опустила глаза и смяла ткань светлого передника.

– Говори! – пришлось поторопить мне.

Каждая минута на счету, а она упирается!

– Камердинер его бывший, Потап, сказывал, что была у него невеста в Антикве. Да только тот слуга в этой дикой стране и погиб, а из нового ни слова не вытянешь. Не знаем мы, что там у него с прошлой девицей приключилось, но говорят, что он уж ее так любил, так любил...

В коридоре послышались шаги и я шикнула Марфе. Она и сама сообразила замолчать, торопливо помогла мне облачиться в ночную сорочку и выскользнула из спальни.

Я же, хоть и устала от дороги и волнений, заходила кругами по комнате, пытаюсь уложить новые данные в голову.

Если Антиква – это Греция, а сейчас примерно двадцатые или тридцатые годы знакомого мне девятнадцатого века, значит в Антикве восстания? При условии, что местная история в общих чертах совпадает с историей моего мира, само собой. И если так, то Игорь мог быть в Греции... в смысле, в Антикве, во время какого-нибудь вооруженного конфликта вместе со слугой.

Сдается мне, история гибели этого Потапа не так уж и проста. Вот только стоит ли спрашивать о ней у мужа? Да и надо ли? Посмотрим. Но вот чего точно не надо, так это расспрашивать у него про возлюбленную.

Я припомнила сцену нашего венчания, которую видела в местной церкви. Если Игорю пришлось отказаться от любимой женщины, чтобы исполнить просьбу старого друга, наверное неудивительно, что он выглядел таким несчастным.

Но почему же он так поступил? Может, был чем-то сильно обязан отцу Сашеньки? Но чем?

Кстати, в первую ночь, когда Сашенька плакала, он, выходит, ушел вовсе не потому, что ее пожалел, а потому, что и сам не хотел ее видеть? Или все же хоть немного пожалел? Жестоким человеком он мне не показался, несмотря на всю его язвительность...

Сплошные вопросы! Закончится это когда-нибудь, или нет?

Может, стащить у Игоря какую-нибудь памятную вещицу и попытаться увидеть его прошлое? Или для начала побродить по дому: он же принадлежал его семье несколько поколений, наверняка помнит что-нибудь особенное.

– Вас что-то тревожит, дорогая?

Я настолько не ожидала услышать Игоря, что аж на месте подпрыгнула.

– Н-нет, все в порядке. Что вы здесь делаете?

Я обернулась к мужу и холодея наблюдала, как он лениво развязывает шейный платок, снимает расшитый серебряными нитями синий жилет и стягивает с пальцев все перстни, кроме родового.

– Что происходит? – я пыталась говорить уверенно, но голос предательски дрожал.

– Разве происходит что-то необычное? – Игорь в показном удивлении вздернул брови. – Я пришел в спальню своей жены, ведь других свободных комнат в доме нет. Вы сами пожелали и впредь оказывать Николаю гостеприимство, а раз так, не можем ведь мы оставить его ночевать на диване в прихожей?

Слушая его равнодушною с легкой издевкой речь я словно приросла к месту. Игорь знает, что я... вернее Сашенька была ему верна. И бесится из-за Николая. И показательно раздевается.

О местные боги, что делать? Судя по тому, с какой сосредоточенной уверенностью он действует, он решил-таки консумировать брак, чтобы я больше не заикалась о разводе. Я конечно в прошлой жизни монашкой не была, но сейчас я не готова!

Глава 10

Игорь, конечно, мужчина красивый. Не из тех, что шкафы два на полтора метра, скорее высокий и жилистый. Тонкий лен сорочки облегал резко очерченные мышцы плеч, на его ровную осанку я украдкой смотрела и прежде, на улице.

Будь я в свое время, со всеми современными достижениями науки в области женского здоровья, то вполне бы повелась на такого, но здесь, сейчас, в наших обстоятельствах... Да мы едва знакомы! Сколько недель назад он явился в мое поместье: полторы, две? И с тех пор мы только пару раз нормально разговаривали. И оба раза закончились почти скандалом.

Я от всей души надеялась, что Игорь остановит внеплановый стриптиз на кальсонах, но когда он потянулся к их шнуровке, не выдержала и отвернулась. Впрочем, это меня не спасло: за окном стемнело, в комнате горели три свечи, и в стекле я как в зеркале видела стройные ноги с такими четкими очертаниями мышц, что хоть анатомию по ним изучай.

Чтобы иметь такое тело, мало природной предрасположенности: надо еще и с самого детства спортом заниматься. Но что-то я не припомню, чтобы у русских дворян начала девятнадцатого века в чести были такие занятия. Или здесь все по-другому?

Так задумалась на этой загадке, что на несколько мгновений даже перестала бояться.

– Легкая атлетика или гимнастика? – пробормотала я, глядя в отражение окна.

И пропустила момент, когда муж оказался совсем рядом.

– Атлетика, – шепнул Игорь, нависая надо мной. – Зачем смотреть в отражение, если рядом с вами оригинал?

– Оригиналы – это еще мягко сказано. Говоря прямее, вы просто чудак и пересмешизм, – от испуга огрызнулась я, медленно оборачиваясь.

Бред, какой же это бред. Совсем не остроумная игра слов, но сейчас это неважно. Пока он удивленно вздергивает брови – проскользнуть мимо, к двери!

– Вам под стать, дорогая. В чудачествах мы еще пожалуй и посоревнуемся.

Хотела отступить вправо, но путь мне преградила уверенная рука.

– Наверняка в соревнованиях такого рода вы преуспели куда сильнее, чем в атлетике. Куда уж мне с вами тягаться? – проворчала я, и голос подвел – замер на высокой, почти истерической ноте.

Дернулась в другую сторону, но и там не нашла пути: его преградила другая рука, и я оказалась словно в клетке.

– Но в остроумии ведь тягаетесь, пусть и с переменным успехом, – неожиданное тепло в его тоне заставило меня вздернуть голову и посмотреть ему в глаза. Глубокие, карие глаза, в которых плясали отблески свечи. В ответ он рассматривал меня, будто впервые видел. Как экзотическую бабочку, а не женщину, от которой он сбежал на два года за границу.

– Говорите так, словно вам это нравится, – я скрестила руки на груди. Иллюзорная попытка отгородиться, но от нее мне стало чуточку спокойнее.

– Признаться, беседы с вами и впрямь доставляют удовольствие. И держат в тонусе. Однако к сожалению они вовсе не таковы, какие я хотел бы вести со своей женой.

Да плевать мне, что ты там хотел или не хотел! Меня тоже никто не спрашивал, хочу ли я в это время, в это место и в это тело. И замуж за такого змея, как ты!

Я трезво оценил ситуацию. К счастью, Игорь не стал снимать по крайней мере нижнюю сорочку, но я все равно почувствовала, что стремительно краснею. Как дура, честное слово. Или еще хуже – как юная девственница. Ах да, я ведь и есть теперь юная девственница, и гормоны из этой песни не выкинешь.

Почувствовав секундную заминку, Игорь сжал мои запястья и заставил расцепить затекшие от напряжения руки. Прошелся взглядом по белой ткани сорочки, которая почти ничего

не скрывала. В тех местах, куда он смотрел, кожу начало колоть, как будто ее облегает не легкий лен, а колючая и жесткая шерсть.

– Что вы делаете? – пискнула я.

– Ничего такого, что было бы неприемлемо между мужем и женой, – туманно отозвался Игорь, рассматривая мое лицо хищным взглядом, будто выискивая в нем что-то.

Вступая в Сашенькино наследство, я как-то не думала, что придется принимать на себя и ее долги. В том числе и супружеский. И отдавать его очень – прямо таки очень – не хотелось.

Одно хорошо – никакого замедления мыслей я не чувствовала. А значит, Игорь не пытается влиять на меня с помощью своего дара. Не пытается ведь?

– Подождите...

Я пыталась придумать хоть какой-нибудь, даже самый нелепый аргумент, чтобы остановить его. Но кровь шумела в ушах, дыхание стало рваным, и Игорь уже почти вплотную прижимался ко мне. Его тело даже через ткань сорочки казалось сухим, но теплым, как нагретое на солнце дерево.

– Я ждал три года. И в последнее время посмел надеяться, что стал вам чуть более приятен, чем прежде, дорогая супруга, – почему-то на слове “супруга” он сделал особенный упор и не сводил с меня внимательного взгляда, от которого щеки зарделись еще сильнее.

Ну и вид у меня сейчас, наверное: испуганная, растрепанная и пунцовая. Так себе сексуальный объект, надо полагать.

Циничная мысль помогла немного сбавить градус напряжения, и я, приложив немало усилий, расправила плечи. Опасность надо встречать с поднятой головой.

– Разве вам есть дело до того, приятны вы мне или нет? Вы ведь ушли в первую ночь вовсе не из жалости ко мне, а из-за памяти о другой? – выпалила я, вздернув голову.

Лукавая улыбка наконец сползла с лица Игоря и я зачислила себе это как победу, хотя давно уже и сбилась с нашего счета. Но решила не останавливаться на достигнутом.

– А теперь, когда чувства остыли, можно и жену в постель тащить. Удобно, она ведь и слова сказать не имеет права! Захотели – бросили на два года, а как приспичило – вернулись и требования предъявляете, как ни в чем не бывало!

Злость за себя, за Сашеньку и на несправедливость мира вообще так меня расхрабрила, что слова, которые прежде приходилось из себя выдавливать, уже бились мощным потоком. И каждое – я видела его глазам Игоря, что каждое – жгло его самолюбие и душу плетью.

– Я сделал всем ради безопасности нашей семьи, вам не в чем меня упрекать, – процедил Игорь, но судя по тому, с каким трудом дались ему эти слова, сам он не слишком в них верил. И уж тем более не верила я.

– Никакая вы мне не семья! И поверьте, мне есть в чем вас упрекать, – злая улыбка наползла на лицо сама собой.

Вместо ответа Игорь сократил и без того малое расстояние между нами, подхватил меня под колени и посадил на комод. От неожиданности я взвизгнула, но муж тут же заткнул мне рот поцелуем.

Может, в другое время я бы им насладилась, но сейчас глаза застелила паника. Я чувствовала, как он сжимает мои бедра, то ли страхуя от падения, то ли пытаясь причинить боль, и от страха начала колотить его в грудь кулаками. Не думала, что поможет, но Игорь отстранился. Я ощутила, что дрожу, и вцепилась пальцами в край комода, чтобы с него не свалиться. Вниз старалась не смотреть – всю жизнь боялась высоты, даже совсем небольшой.

– Александра Константиновна, это неразумно. Вы – моя жена, и...

– Я вам не жена! Свою жену вы убили! – выпалила я, трепеща всем телом.

В комнате вдруг стало очень тихо. Даже кровь в ушах перестала накатывать волнами в ритме сердца. И до меня постепенно стало доходить, что именно и кому я сказала.

Страх сковал горло, и как бы я ни старалась что-нибудь добавить, как-нибудь объяснить свои слова, могла только открывать и закрывать рот, словно рыба. Может Игорь примет это за очередной виток сумасшествия? Да и пусть! Сдаст меня в дом умалишенных, я оттуда как-нибудь сбегу. Или еще что-нибудь придумаю. Лучше так, чем все это. Изнасилования я морально просто не переживу.

Я всматривалась в лицо того, кого уже привыкла мысленно называть мужем, и ждала. Он тоже ждал, и продолжал глядеть на меня так же, как и весь этот вечер: будто впервые. Теперь он стоял спиной к свечам, его лицо скрывала густая тень, и я при всем желании не могла понять, какие мысли бродят сейчас в его голове.

Надо что-то придумать, как-то оправдаться. Или бежать, пока он в замешательстве. Я попыталась податься вперед, чтобы прыгнуть с комода, но от страха тело будто приросло к его деревянной поверхности. Да и голова закружилась, стоило на секунду посмотреть на пол. Черт бы побрал этих высоких людей и мебель, сделанную под них на заказ!

– Я уж думал, не признаетесь, и придется отступать, – вдруг задумчиво выдал Игорь.

Глава 11

От неожиданности я вздрогнула, потеряла равновесие на трясущихся руках и начала заваливаться вперед. Игорь легко подхватил меня, стащил с комода и опустил на низкую софу возле кровати.

Тело была крупная дрожь, мысли в панике разбежались. Я оглядывалась, будто только что увидела эту комнату, и только сейчас начинала в полной мере осознавать, что происходит. Что я давно уже не уважаемый музейный сотрудник и реставратор, что мир и время, в которых я могла быть резкой, смелой, уверенной, независимой и закрытой, давно уже позади и никогда не вернутся. И что теперь я в руках человека, который так искусно провоцировал меня раз за разом, рассматривая мои странности под микроскопом, и финальным штрихом подтвердил свои выводы. А я повелась – как дура.

Или как любая нормальная женщина, которая испугалась? Даже если так, от этого не легче.

Когда на плечи опустилась тяжелая ткань, поспешила укутаться в нее, как в кокон, и лишь спустя мгновение осознала, что руки Игоря по-прежнему на моих плечах.

– Хотите воды?

– Лучше бы чего покрепче, – привычно съязвила я.

Пока паниковала, муж – о местные боги, он ведь действительно мне муж и это все не игра – успел скрыть почти полную наготу под махровым халатом. Звякнула стеклянная дверца шкафа, и перед носом появился бокал на длинной трехгранной ножке, наполненный почти доверху.

Хоть я и не ожидала, что он воспримет мои слова так буквально, но отказываться не стала: взяла и сделала большой глоток, пряча в нем эмоции. Горечь прокатилась по горлу и растеклась мерзкой слабостью по телу. Мысли стали еще более вязкими и ленивыми, и теперь я уже не могла вытащить из закоулков разума ни одну приличную. Да и неприличные тоже попрятались по углам.

Игорь сел рядом, и я подавила желание шарахнуться. Только дернулась, едва не пролив вино, но к счастью, отпила из бокала достаточно, чтобы жидкость в нем, качнувшись, не выплеснулась через край.

Вдох – выдох. Руки еще дрожат, но голова работает. И что мы имеем?

Я мрачно усмехнулась. Имеем то, что меня пока никто не имеет. И кажется, в ближайшее время не собирается.

Игорь мог бы сказать, что ему плевать, и что бы я себе не выдумала, перед богами я все еще его жена. Мог бы завтра же сдать меня на попечение в местную больницу, чтобы там из меня “вылечили” всю дурь. А вместо этого набросил мне на плечи халат и выдал щедрую порцию вина. Это ли не повод хотя бы еще раз взглянуть ему в глаза?

Нервно выдохнув, я подняла взгляд. И поняла, что он по-прежнему рассматривает меня как неведому зверушку. Как же бесит его спокойствие! Его совсем не печалит, что я назвала его убийцей собственной жены?

– Расскажите? С самого начала, – заметив, что я справилась с эмоциями, предложил он. Еще чего!

– С самого начала – это с моих ранних лет в другом мире? – выпалила я, не подумав, и замерла, уже сама себе напоминая испуганного кролика перед удавом.

Ну все, он точно сдаст меня в психушку!

Однако шла секунда, вторая, а Игорь не спешил ничего предпринимать. Его молчание и внимательный... хотя скорее любопытствующий взгляд по-прежнему приглашали к разговору.

И с чего начать? Раз уж так глупо выдала правду, надо бы наверное ее как-то конкретизировать?

В раздумьях я отхлебнула еще вина, открыла рот и слова полились потоком, который я уже не могла остановить, пусть и очень хотела.

Я говорила бессвязно, временами сомневаясь в собственном здравом рассудке. Рассказывала про работу в музее, про реставрацию, порой уходя в такие детали, которые сейчас были совершенно не к месту. Про неудачный брак, про свою маленькую квартиру в спальном районе, которая осталась мне от единственной и давно почившей родственницы – двоюродной бабушки, вырастившей меня как родную. Про самолеты, метро, женские права, схожесть истории наших миров и различия в религии. Про то, что знать не знала ни о какой магии – и снова про работу в музее, где мы с коллегами на хэллоуин делали тематическую экспозицию про ведьм и знахарок в России.

К тому моменту, как дошла до первого дня в этом мире, приходилось то и дело утирать ладонью мокрые от слез щеки. Боялась, что Игорь начнет утешать меня или потянется к лицу, но он вообще не двигался, то ли замороженный, то ли напуганный моим рассказом. И после того, как бокал опустел, а я замолчала, задал только один вопрос:

– Вы в самом деле считаете, что в смерти Александры виновен я?

Я всмотрелась в него, потому что хотела ответить на этот вопрос честно. В итоге только покачала головой.

– Не знаю. Я не знаю, почему она побежала к пруду, в самом ли деле ее кто-то ударил, или она ушиблась, когда падала в воду. Не знаю, что было в том письме и зачем на этот раз явился Николай. Я... вообще ничего не понимаю... – после этих слов соленый ком в горле встал колом, почти душил, и говорить я больше не могла.

Игорь отвернулся, милостиво позволяя мне пережить этот момент слабости и осознания, что ничего и никогда уже не будет как прежде. И это было гораздо лучше, чем если бы он взялся утверждать, что все будет хорошо.

Когда волна растерянности, почти переросшая в отчаяние, немного схлынула, я взглянула на хмурого Игоря.

– Что вас беспокоит? – спросила я, хотя и боялась услышать ответ.

– Вам не все равно? – больше по привычке огрызнулся он.

– Вы меня выслушали. Наверное, будет справедливо, если и я...

– Я не собираюсь вам исповедоваться, – резче, чем я ожидала, прервал меня он. – Однако если все, что вы сказали, правда, значит теперь на моей совести уже две невинные женские души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.